КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Іюня № 12. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

СЛОВО КЪ СЛАВЯНАМЪ,

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ТЫСЯЩЕЛѢТІЯ ПРИШЕСТВІЮ СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ ВЪ ЗЕМЛЮ СЛАВЯНСКУЮ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРОТОІЕРЕЕМЪ МИХАИЛОМЪ РАЕВСКИМЪ, ВЪ ЦЕРКВИ ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ ВѢНѢ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13. 7).

И мы собрались въ этотъ храмъ совершать память тысящелѣтія слову наставниковъ нашихъ и просвѣтителей земли славянской, св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Жизнь и апостольскіе труды ихъ у славянъ каждому изъ насъ болѣе или менѣе извѣстны. Вотъ что пишетъ собственно о пришествіи ихъ въ землю славянскую лѣтописецъ нашъ, преподобный Несторъ: „Словѣномъ, живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю греческу Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя,

иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; óни бо ны онако учатъ, а óни бо ны и онако; тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ; и послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ.—Се слышавъ царь, посла звати Кирилла и Меѳодія.... и пріидоша къ цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ словѣнска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могъ имъ протолковати святыя книги; сего бо желаютъ. Умолена быста царемъ и послаша я въ словѣньскую землю къ Ростиславу и Святополку и Кѣцѣлови. Сима пришедшима, ради быша словѣни, яко слышаша величія Божія своимъ языкомъ."—Остановимся на этомъ выраженіи лѣтописца и разсмотримъ: почему славяне особенно были рады пришествію къ нимъ проповѣдниковъ вѣры *съ востока.*

Ради быша словѣни! И подлинно велика должна была быть ихъ радость, когда они, послѣ римскихъ и германскихъ проповѣдниковъ, которыхъ они не разумѣли, встрѣтили проповѣдниковъ слова Божія и вѣры христіанской, которые говорили на родномъ ихъ нарѣчіи, и которыхъ они разумѣли. Велика должна была быть ихъ радость, когда они въ первый разъ въ храмѣ Божіемъ, послѣ непонятнаго для нихъ Богослуженія, услышали на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ и чтеніе слова Божія, и пѣніе молитвъ, и совершеніе этой, воистину божественной литургіи Іоанна Златоустаго или Василія Великаго, которыя мы совершаемъ; когда они увидѣли воплощеніе своей рѣчи въ собственной, славянской письменности и почувствовали себя народомъ самостоятельнымъ не по одному только національному одѣянію плоти, но и національному одѣянію духа—ума; когда они и дѣти ихъ начали читать въ школахъ — вмѣсто „Beatus vir" и „Credo",—по славянски: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста". И: „Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ".-Братія! эту радость можетъ понять только тотъ изъ насъ, кто, напримѣръ, слу-

чайно не былъ нѣсколько лѣтъ на своей родной землѣ, не слыхалъ своего богослуженія, и—вдругъ очутился въ своей церкви, въ кругу своихъ родныхъ.—Нѣкогда русскіе послы, посланные княземъ Владиміромъ въ Царьградъ, испытать Вѣру православную, и видѣвшіе благолѣпіе служенія церкви греческой, говорили ему, возвратясь въ Кіевъ: „не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такого вида, ни красоты такоя, не доумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко ондѣ Богъ съ человѣки пребываетъ.“ Русскіе послы едва ли и разумѣли языкъ греческій; они видѣли только внѣшнее благолѣпіе богослуженія, и были восхищены имъ. Что же сказали предки наши славяне, когда не только увидѣли, но и въ слухъ уха уразумѣли это величественное, родное богослуженіе?

Но это благолѣпіе церкви, пріятно поражающее очи, проникающее до глубины души, плѣняющее разумъ въ послушаніе вѣры,—было только видимою, такъ сказать осязательною причиною радости славянъ. Въ пришествіи къ нимъ святыхъ наставниковъ вѣры Христовой съ востока, скрывалась для ихъ радости другая, болѣе глубокая и таинственная, причина; это—спасеніе славянства и залогъ его самостоятельной будущности. Кириллъ и Меѳодій, принесши вѣру съ востока, указали славянскому народу на его историческое призваніе въ средѣ человѣчества.

Рѣзко отдѣлена была въ началѣ IX столѣтія западная Европа отъ восточной. На западѣ Европы образовалось обширное римско-германское государство съ своими феодальными учрежденіями, съ своимъ западно-римскимъ воззрѣніемъ на церковь, сильное силою физическою и силою нравственною, славное своими завоеваніями и въ мірѣ политическомъ и въ мірѣ духовномъ. Весь востокъ Европы, отъ моря Балтійскаго до Адріатическаго, занимали славяне, племя многолюдное, но мирное, юное, можно сказать не развитое, особенно сравнительно съ крѣпко образовавшимся западнымъ міромъ, но племя, скрывающее въ себѣ начала самородной жизни, имѣющее свои собственныя религіозныя, семейныя, общественныя и политическія

учрежденія, но народныя, изъ народнаго духа выродившіяся, съ народною жизнію развивавшіяся. И съ этимъ племенемъ мирнымъ, своеобразнымъ, необразовавшимъ еще изъ себя ни сословія воиновъ, ни государства, какъ мы теперь понимаемъ оное, или какимъ было тогда германское государство,—съ этимъ племенемъ, на пути завоеваній, съ мечемъ въ рукахъ, крѣпкое духовною силою, испытанное въ бояхъ встрѣчается племя германское. Что оставалось тогда дѣлать славянамъ? Оставаться ли славянами съ своими родовыми понятіями о правленіи, съ своими выродившимися изъ жизни народа общественными и семейными учрежденіями, или—пожалуй, и не теряя названія славянъ, покориться чуждому народу, принять чуждыя духу народному постановленія, бытъ родовой перемѣнить на феодальный, подпасть и въ политическомъ и въ духовномъ отношеніи всецѣло римо-германизму и утратить на вѣки свой типъ, свою народность? То и случилось съ западною окраиною славянства! Гдѣ теперь славяне прибалтійскіе,—первые, на которыхъ устремился римо-германскій западъ! Крѣпко они защищали свою славянскую волю, свою славянскую національность, обычаи и постановленія своихъ предковъ и—нѣтъ ихъ болѣе! Завоеванія потомковъ Карла Великаго подвигались далѣе къ востоку, и всѣхъ насъ постигла бы участь славянъ прибалтійскихъ; но Богъ, въ премудромъ совѣтѣ Котораго предназначено роду славянскому другое историческое призваніе, въ самую тяжкую мунуту его политическаго бытія, при рѣшеніи вопроса о его жизни или смерти, посылаетъ ему спасеніе съ востока. Являются къ славянамъ смиренные иноки Кириллъ и Меѳодій и приносятъ имъ залогъ жизни; облекая ихъ силою вѣры православной на защиту и храненіе уставовъ народныхъ, они указуютъ славянамъ, что только подъ кровомъ этой церкви могутъ народные ихъ уставы и постановленія остаться чуждыми всякой инородной примѣси, чисто народными, что только подъ сѣнію православной вѣры можетъ основаться на чистыхъ народныхъ началахъ самостоятельное, своеобразное, крѣпкое внутреннею силою правленіе. Кириллъ и Меѳодій

приносятъ славянамъ вѣру изъ Грецiи, изъ страны, славной своимъ образованiемъ, но въ гражданскихъ учрежденiяхъ неимѣющей ничего общаго съ западомъ,—страны тоже своеобразной; приносятъ вѣру, которая, по началамъ своимъ, не вмѣшивается въ политическiя и общественныя учрежденiя народа, но допускаетъ самому народу развивать ихъ у себя свободно, самостоятельно, на одной взаимной, чисто христiанской любви, взаимной братской довѣренности, взаимномъ уваженiи правъ всѣхъ и каждаго.

И вотъ явились въ мiрѣ славянскомъ мiрскiя сходки, народныя скупштины, не октроированныя уставомъ,—сдѣлкою феодальнаго правительства съ покореннымъ нѣкогда народомъ, но сами выродившiяся изъ народа;—явились общины, задруги, старшины, кметы, кнези, старѣйшины. Все это—люди, управляющiе народомъ, но самымъ народомъ добровольно выбранные для управленiя. Эти установленiя и эти народные управители существуютъ только у славянъ восточныхъ, послѣдователей ученiя Кирилла и Меѳодiя. На западѣ Европы ихъ нѣтъ. Въ какую славянскую страну ни проникало или политическое или духовное влiянiе запада, тамъ эти народныя начала чахнутъ, измираютъ или уже вымерли. Вотъ различiе слова, принесеннаго намъ Кирилломъ и Меѳодiемъ съ востока—отъ слова, проповѣдуемаго намъ западомъ! Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ. Плоды слова, проповѣданнаго Кирилломъ и Меѳодiемъ, т. е. всѣ наши народныя, земскiя устройства, развившiяся подъ кровомъ этого ученiя, доказываютъ, что оно было восточное, православное, не-западное. И какiя слѣдствiя этихъ народныхъ началъ, служащихъ основою славянству,—для славянства? 450 лѣтъ народъ Сербскiй и Болгарскiй стонутъ подъ тяжелымъ игомъ мусульманства. Бѣдная Боснiя и Герцеговина! Бѣдная земля Болгарская! Народъ твой въ рабствѣ, лишенъ и великолѣпiя святыни твоихъ предковъ; козни враговъ твоихъ отвсюду стремятся сокрушить въ тебѣ и народность и православiе; но ты не умаляешься въ сынахъ твоихъ; тебя хранятъ обычаи твоихъ предковъ и вѣра православная; они сохраняли тебя доселѣ. Мужайся! Заря

воскресенія занялась для тебя при Кара-Георгіѣ и Милошѣ. И ты, геройская стотысячная горсть народа черногорскаго, гнѣздящаяся на твоихъ орлиныхъ скалахъ! Ты еще не стерта съ лица земли и не погибнешь. Тебя воодушевляетъ на брань честный крестъ и домовина.— 250 лѣтъ Русь православная страдала подъ игомъ татаръ: двадесять народовъ единовременно устремлялись на ея разрушеніе. Грады и веси ея огнемъ сотрошася; сынове и дщери ея мечемъ падоша; но церковь православная и народъ, тѣсно соединенные одною вѣрою, одними отеческими и народными преданіями, всегда спасали ее и спасутъ ее всегда, пока она свято будетъ хранить завѣтъ, завѣщанный ей Кирилломъ и Меѳодіемъ.—Вотъ, братія, благодѣянія, которыя принесли народу славянскому Кириллъ и Меѳодій! Помните и храните крѣпко ихъ, если хотите быть сильны народностію, и остаться не по имени одному, но и по духу славянами!

Ублажимъ же похвалами память св. равноапостольныхъ просвѣтителей нашихъ Кирилла и Меѳодія въ годину тысящелѣтія пришествія ихъ въ землю славянскую. Эту литургію, которую мы совершали днесь въ этомъ храмѣ, и всегда совершаемъ—принесли къ намъ Кириллъ и Меѳодій. Это величественное совершеніе таинствъ и обрядовъ нашей церкви, дышащее столь возвышенными чувствами, выражаемыми въ молитвахъ къ Богу—принесли къ намъ съ востока Кирилъ и Меѳодій. Эти письмена, передающія намъ слово Божіе, выражающія самородный взглядъ славянскаго ума на предметы міра физическаго и духовнаго, отпечатлѣвающія наши глубокія, національныя, задушевныя думы,—принесли къ намъ Кириллъ и Меѳодій; этотъ залогъ нашей духовной гражданской и политической жизни, нашей исторической будущности, нашего призванія къ міровому самостоятельному труду, нашего значенія въ кругу прочихъ народовъ, нашей силы противостоять искушеніямъ и напору враговъ—принесли къ намъ Кириллъ и Меѳодій. —Восхвалимъ вкупѣ и сопутниковъ ихъ въ землю славянскую, сотрудниковъ ихъ въ дѣлѣ просвѣщенія славянъ, Климента, Горазда, Наума,

Ангеларія и Савву, пронесшихъ слово православія на славянскомъ языкѣ во всѣ концы славянскаго міра. Восхвалимъ великихъ князей словенскихъ Ростислава, Святополка и Коцела, призвавшихъ Кирилла и Меѳодія— спасти славянъ отъ вліянія запада и возродить ихъ къ новой, какъ духовной, такъ и національной жизни. Воздадимъ честь, славу и благодареніе—благовѣрнымъ великимъ князѣмъ, царѣмъ, кралѣмъ и просвѣтителѣмъ нашимъ: Вячеславу и Людмиллѣ чешскимъ, Владиміру и Ольгѣ—Россійскимъ, Стефану, Нѣманѣ и Саввѣ—сербскимъ, Борису и Симеону—болгарскимъ.—Благословите насъ святые наставники наши и научите, чтобы мы крѣпко помнили слово, завѣщанное вами роду славянскому, чтобы мы твердо и неуклонно слѣдовали путемъ указаннымъ Вами, чтобы присно держали память и смыслъ вашего къ намъ пришествія. Паче же всѣхъ воздадимъ славу единому, Премудрому, Всеблагому, въ Троицѣ славимому Богу.—Слава тебѣ, Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ! Аминь.

МѢСТНОСТЬ, ЗАНИМАЕМАЯ КІЕВСКОЮ ДУХОВНОЮ СЕМИНАРІЕЮ.

(Окончаніе).

Можно напередъ представить себѣ ту бѣдность, какую долженъ былъ нести этотъ монастырь. Производительность тогда и сельское хозяйство были еще вовсе неразвиты въ цѣломъ краѣ, цѣнность на полевыя произведенія была ничтожна. По этому всѣ монастыри, вдоволь имѣя хлѣба, сѣна, скота, пива, меду и под., на деньги были крайне скупы, и, при починкахъ и постройкахъ, всегда посылали по цѣлому краю съ просительною книгою. Даже каѳедральный монастырь, сооружая напр. иконостасъ, или какое зданіе, всегда прибѣгалъ къ займамъ. Монастырь петропавловскій былъ бѣднѣе всѣхъ кіевскихъ, и существовалъ какъ будто только для того, чтобы представлять всеобщую картину суеты тяжелой и бѣдности. Грустно читать эти простодушныя указанія, дѣлаемыя или въ отчетахъ, или мимоходомъ въ другихъ дѣлахъ монастырскихъ, что братія получала отъ монастыря простые малороссійскіе *свитки* и *кожухи*, а на лѣто, вмѣсто сапоговъ, по одной парѣ *черевиковъ*, и что монахи, сберегая на далѣе эти послѣдніе, ходили лѣтомъ босые. Лѣтомъ вся братія на поляхъ— кто за плугомъ, кто за косою и под., работаетъ съ утра до вечера за кускомъ хлѣба и чаркою водки. Не удивительны, по этому, наивныя жалобы, формально заносимыя митрополиту, на игумена, когда тотъ скупится на водку для братіи. Намѣстникъ петропавловскій, находившійся цѣлую недѣлю на сѣнокосѣ, жалуется митрополиту на своего игумена (въ 1745 г.), что онъ оставилъ его тамъ „безъ всякаго удовольствія питейнаго,“ и что „въ трапезѣ въ порціи горѣлки крайняя скудость дѣлается, ибо горѣлки

по одной только чаркѣ бываетъ" на человѣка (*). Чарка водки — истинное подкрѣпленіе и утѣшеніе для такихъ тружениковъ! А въ самомъ монастырѣ въ это время пусто, некому и служить, остается лишь одинъ игуменъ, который на эту пору здѣсь „самъ и понамарь, и ключникъ, и кухарь (поваръ), и экономъ, и палатній, и уставщикъ," какъ говоритъ о себѣ петропавловскій игуменъ Сильвестръ Добрыня (**). Случись же неурожай, налети саранча— и монастырь голодаетъ цѣлый годъ, какъ напримѣръ въ 1710, особенно въ 1748 году, когда саранча до того истребила на поляхъ хлѣбъ, что петропавловскій монастырь не собралъ съ нихъ „ни стебла".—Чтобы поддержать его сколько нибудь, къ нему въ городѣ назначили приходъ. Но и эта поддержка была ничтожна, особенно съ 1765 г., когда, по указу комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, приказано за требы брать: за молитву родильницъ 2 к., за крещеніе младенца 3 к., за бракъ 10 к., за погребеніе возрастныхъ 10 к., за погребеніе младенцовъ 3 к., за молебны и панихиды—кто что дастъ. Даже уважавшаяся въ монастырѣ икона Богородицы, впродолженіи цѣлаго столѣтія, не могла получить приличной ризы, и оставалась всегда съ однимъ убогимъ вѣнчикомъ (***). За то вся лѣтняя суета быстро оканчивалась для этого монастыря, ему не надъ чѣмъ было долго трудиться, тогда какъ другіе монастыри возились на своихъ поляхъ до глубокой осени. Поэтому, люди, искавшіе въ монастырѣ тихаго пристанища, чуждаясь другихъ монастырей, избирали себѣ этотъ. „Я—говоритъ одинъ изъ такихъ просителей, вдовый священникъ — нетокмо въ заднѣпрскомъ какомъ либо, но и въ кіевскихъ, кромѣ петропавловскаго, по причинѣ чрезмѣрной слабости и другихъ резоновъ, монашескаго чина получить немогу" (****).

(*) Арх. кіев. консист. 1745 № 105 стр. 1 и 15.

(**) Тамъ же.

(***) Икона эта до сихъ поръ находится въ семинарской церкви, у сѣверной стѣны.

(****) Арх. кіев. консист. 1780 г. № 2.

При такой бѣдности, монастырю нечего было и думать докончить начатую митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ постройку придѣла и починку большой церкви. Къ тому же начатое съ теченіемъ времени стало портиться и обваливаться, такъ что къ 1740 году потребовалась на все это сумма, немыслимая по средствамъ монастыря. Но пособіе явилось разомъ, неожиданно. Въ 1744 году въ Кіевъ пріѣхала императрица Елисавета. Городъ и духовенство сдѣлали ей великолѣпный пріемъ. За днѣпровскимъ мостомъ встрѣтилъ ее Юпитеръ на колесницѣ, запряженной крилатыми пегасами, и сказалъ ей похвальную рѣчь—то были костюмированные студенты кіевской академіи. Елисавета оставила тогда въ Кіевѣ по себѣ благодарную память, многимъ оказала она здѣсь благодѣянія. Тогда же, между прочимъ, она заложила и дивную Андреевскую церковь. Во время представленія ей настоятелей всѣхъ монастырей, она, узнавъ о бѣдности петропавловскаго, реставрированнаго отцомъ ея, Петромъ 1-мъ, пожертвовала на окончаніе церквей его 2500 р. Братія развела тогда свои планы шире, захотѣла имѣть и колокольню, и устроить придѣлъ въ честь ангела императрицы. Нашлись средства и для этого. Въ слѣдующее лѣто зашли въ монастырь „на поклоненіе“ два запорожца, и узнавъ о нуждахъ его, дали 150 рублей, и посовѣтовали братіи послать отъ себя кого нибудь въ Запорожскую Сѣчь, обнадеживая тамъ вѣрными жертвами. Сѣчь, дѣйствительно, была въ то время истинною житницею для Малороссіи. Тамъ все лѣто и осень толпились просители со всѣхъ концовъ православнаго міра, особенно изъ Греціи, Болгаріи, Сиріи и другихъ турецкихъ областей. Всѣхъ менѣе уважаемы были здѣсь природные греки, всѣхъ болѣе—земляки—малороссы; греческаго монаха въ Сѣчи обдарятъ, а по дорогѣ обдерутъ, а малороссійскихъ вызвутся и сами проводить до границы, чтобы по дорогѣ надъ ними, по незнанію, „не пошалѣли хлопцы и табунники.“ Монастырь петропавловскій, дѣйствительно, собралъ здѣсь столько, что всѣ задуманныя работы пошли быстро, и къ 1750 г. оконченъ вполнѣ придѣлъ Алексія человѣка Божія, боль-

шая церковь (мастеру за одну оштукатурку ея дали тогда 700 руб., кромѣ матеріала), устроенъ придѣлъ въ честь св. Захаріи и Елисаветы, и построена двухъэтажная колокольня (находящаяся и донынѣ).

Изъ настоятелей этого монастыря никто въ послѣдствіи не сдѣлался извѣстнымъ въ исторіи русской церкви, потому что сюда поставляли лицъ простыхъ или изъ лицъ ученыхъ низшаго разбора. Мы и знаемъ ихъ только съ 20 годовъ прошлаго вѣка.

Ѳеодосій Глинскій, изъ приказныхъ консисторіи кіевской. Въ 1720 г. онъ сдѣланъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря.

Сильвестръ Добрыня, изъ префектовъ кіевской академіи, опредѣленъ въ 1748 году. На него постоянно были жалобы отъ монастыря за его расточительность, особенно за чрезвычайную раздражительность, во время которой онъ билъ всѣхъ, отъ намѣстника до послушника, изъ своей руки палкою, даже въ церкви. Въ 1748 г. онъ сдѣланъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря.

Послѣ него въ два года перемѣнилось здѣсь 5 игуменовъ:

Іоанникій Медзюховскій, опредѣленъ 6 февраля 1748 года, а 23 апрѣля просилъ объ увольненіи себя отъ должности по болѣзни. Онъ тяготился особенно бывшими тогда постройками въ монастырѣ. На его мѣсто тогда же поставленъ

Пахомій Вѣтвицкій, но опять выбылъ въ томъ же году — архимандритомъ Харлампіевскаго Гамалѣевскаго монастыря. Братія долго помнили его тихій, кроткій характеръ и добродушіе, и часто упоминали, что они „ему во всемъ благодарны."

Въ 1749 году перемѣнилось три настоятеля:

а) Игуменъ *Ѳеофанъ*, изъ игуменовъ полтавскаго Петропавлавскаго монастыря.

b) *Строитель Досифей.*

c) *Строитель Діонисій.*

Игуменъ Антоній 1750—1760 г.

Игуменъ Викторъ 1760—1765.

Игуменъ Петръ, умершій здѣсь въ 1768 г.

Рувимъ Петулинскій, изъ префектовъ кіевской академіи до 1777 года.

Послѣ него, при митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ, не было здѣсь особыхъ игуменовъ, какъ и въ Выдубицкомъ монастырѣ, при Варлаамѣ Ясинскомъ, какъ и при Петрѣ Могилѣ, приписанномъ къ каѳедрѣ. Начальство въ нихъ отдано было каѳедральнымъ чинамъ, въ Выдубицкомъ намѣстнику, а въ Петропавловскомъ—другимъ, низшимъ. Они жили при каѳедрѣ, управляя отсюда дѣлами своихъ монастырей.

Игуменъ Ѳаддей, бывшій вмѣстѣ и экономомъ каѳедральнымъ. Умеръ въ 1779 году.

Игуменъ Іеронимъ, вмѣстѣ и каѳедральный писарь. Въ 1783 году онъ сдѣланъ намѣстникомъ каѳедральнымъ и игуменомъ Выдубицкимъ, а бывшій тамъ архимандритъ и намѣстникъ каѳедры

Мельхиседекъ, какъ видно, человѣкъ скромный, недѣятельный, переведенъ въ Петропавловскій. Онъ извѣстенъ еще, какъ первый архиваріусъ кіевской консисторіи. Но онъ не привелъ архива окончательно въ порядокъ; просидѣвъ надъ нимъ два года, онъ отказался отъ своей должности. При немъ монастырь этотъ упраздненъ.

5) Въ 1786 году преобразованы малороссійскіе духовные штаты (въ Великороссіи они преобразованы въ 1765 году). Отъ монастырей отняты всѣ имѣнія; въ Кіевѣ уничтожены тогда монастыри: *Межигорскій*, *Кирилловскій*, *Трехсвятительскій* (нынѣ церковь трехъ святителей, на старомъ городѣ), *Богословскій* и—въ томъ числѣ—*Петропавловскій*. Тогда же положено было завести въ зданіяхъ этого монастыря низшее народное училище, о которыхъ много заботилась тогда Екатерина II и Бецкій (хотя на дѣлѣ ничего не вышло изъ этихъ хлопотъ). Но, по представленію митрополита Самуила, здѣсь помѣщенъ монастырь греческій. Еще въ 1733 году митрополитъ Раѳаилъ Заборовскій доносилъ Св. Сvноду, что въ Кіевѣ пріѣзжаетъ много греческихъ монаховъ, и въ самомъ Кіевѣ живетъ много грековъ съ семействами, и просилъ, что-

бы Петропавловскій монастырь обратить для нихъ въ греческій, и учредить при немъ греческое училище. Сvнодъ передалъ это дѣло въ иностранную коллегію, но оттуда не получалъ никакого отвѣта. Въ 1738 году кіевскій житель, грекъ Астаматій Николаевъ подарилъ греческому обществу свой дворъ и домъ, подлѣ которой построилъ и каменную Екатерининскую церковь, которая тогда же, по его прозьбѣ, подчинена Синайской горѣ. Въ 1748 году, по его же представленію, Св. Сvнодъ разрѣшилъ учредить при этой церкви греческій монастырь. Этотъ-то монастырь и переведенъ въ 1787 году въ зданія Петропавловскаго, а къ нему приписана и церковь Екатерининская. Въ судьбѣ этого, новаго на этой мѣстности, монастыря не произошло ничего замѣчательнаго, развѣ только то, что онъ въ 1811 году выгорѣлъ весь, какъ и все прочее тогда на Подолѣ, послѣ чего едва успѣлъ кое-какъ поправиться. — Въ 1828 году онъ возвращенъ на прежнее свое мѣсто, а сюда въ 1832 г. переведена духовная семинарія, открытая въ Кіевѣ въ 1818 году, и впродолженіи 10 лѣтъ помѣщавшаяся надъ Днѣпромъ, въ зданіи нынѣшняго подольскаго духовнаго училища.

ОБУЧЕНІЕ ЗАКОНУ БОЖІЮ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Письмо 8-е къ сельскому учителю-священнику.

Христіанское вѣроученіе есть сѣмя, изъ котораго раскрывается и возрастаетъ все нравоученіе наше; почему и истины сѵмвола вѣры всѣ даютъ правила нравственныя, всѣ къ нимъ приводятъ. При такомъ свойствѣ нашего вѣроученія, нужно ли особое изложеніе нравоученія или заповѣдей Божіихъ? Для лучшаго уразумѣнія и углубленія ихъ въ умахъ и сердцахъ, для обозрѣнія ихъ въ связи и порядкѣ это, безъ сомнѣнія, нужно; только изложеніе это должно быть таково, чтобъ нравоученіе было проникнуто все вѣроученіемъ, то есть, чтобъ оно было вполнѣ христіанскимъ, а не отдѣльнымъ отъ вѣры—философско-языческимъ. Въ изъясненіи первой скрижали это само собою разумѣется, такъ какъ всѣ заповѣди этой скрижали говорятъ о вѣрѣ о благочестіи. Что сказать о второй скрижали? И здѣсь христіанское нравоученіе должно имѣть въ виду не просто природу человѣческую, требующую отъ насъ уваженія по одной своей разумности, но—природу Богоподобную, имѣть въ виду чадъ Божіихъ,—чадъ по одному ли творенію (всѣхъ вообще людей), или и по возсотворенію (христіанъ), словомъ, уважать человѣка и любитъ по этому правилу богословскому: ***всякъ любяй рождшаго*** (т. е. Бога) ***любитъ и рожденнаго отъ Него*** (человѣка) (1. Іоан. 5, 1). Такимъ образомъ изъ любви же къ Богу христіанинъ любитъ своего ближняго, во всемъ поступаетъ по духу вѣры, всѣхъ почитаетъ своими братьями, потому что знаетъ и чтитъ единаго для всѣхъ отца небеснаго.

На такомъ основаніи не трудно построить изъясненіе всѣхъ десяти заповѣдей.

Это дѣлаю я по слѣдующимъ вопросамъ:

I. О первой скрижали. Эта скрижаль объясняетъ первую основную заповѣдь: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ* и проч. Спрашиваю: какъ объясняетъ эту любовь первая заповѣдь десятословія?

От. Люби Бога такъ, чтобъ ничего и никого не любить и непочитать наравнѣ съ Богомъ.

Что внушаетъ вторая заповѣдь десятословія?

От. Люби Бога такъ, чтобъ къ Богопочтенію не примѣшать никакого Богопочтенія ложнаго.

Какъ учитъ любить Бога третія заповѣдь?

От. Люби Бога такъ, чтобъ ты благоговѣлъ предъ самымъ именемъ Божіимъ, и потому не употреблялъ оное напрасно.

Какъ учитъ любить Бога четвертая заповѣдь?

От. Люби Бога такъ, чтобъ ты не забывалъ посвящать на служеніе Ему особенные установленные церковію дни?

II. О второй скрижали. Шесть ея заповѣдей излагаютъ вторую основную заповѣдь: *возлюбиши ближняго своего яко самъ себе.* — Какъ же учитъ любить ближняго 5-я заповѣдь десятословія?

От. Прежде всего и наипаче люби и чти ближнихъ къ тебѣ, т. е. родителей и тѣхъ, кто заступаетъ мѣсто ихъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Какъ любить ближняго по 6-й заповѣди?

От. Люби его такъ, чтобъ ты всегда уважалъ его жизнь и здоровье.

Какъ любить велитъ 7-я заповѣдь?

От. Запрещаетъ питать къ кому бы то ни было преступную любовь, а повелѣваетъ уважать во всякомъ чистоту нравовъ.

Какъ учитъ любить ближняго 8-я заповѣдь?

От. Люби ближняго такъ, чтобъ ты уважалъ и собственность ближняго.

Какъ велитъ любить ближняго 9-я заповѣдь?

От. Люби его такъ, чтобъ ты дорожилъ его добрымъ

именемъ, которое дороже всѣхъ сокровищъ (не нарушалъ бы этого уваженія клеветою, обманомъ, ложью).

Какую заповѣдаетъ любовь къ ближнему 10-я заповѣдь?

От. Вообще любовь искреннюю, сердечную, благожелательную и чистую (свободную отъ всѣхъ нечистыхъ и неправедныхъ пожеланій).

На какихъ заповѣдяхъ болѣе останавливать должно дѣтей?

Всѣ онѣ важны, а какую болѣе прояснить потребуется, это покажутъ намъ сами ученики, когда мы постараемся узнать ихъ среду и образъ жизни, а особенно уже внушенныя имъ другими правила поведенія.

Если, при изъясненіи символа вѣры, мы, по возможности, старались удалить отъ нашихъ учениковъ всѣ грубыя человѣкообразныя понятія о Богѣ, и возбудить разумное чувство, то мы довольно приготовили ихъ къ правильному уразумѣнію 1-й заповѣди, поучающей насъ вѣрѣ въ Бога и истинному Богопочтенію. Тогда только они будутъ благоговѣть предъ существомъ Высочайшимъ, когда могутъ возвышать умъ и сердце надъ всѣмъ чувственнымъ и тварнымъ, не только надъ человѣками, но и ангелами, возвышаться къ Творцу и Владыкѣ человѣковъ и ангеловъ. Тогда вразумительны будутъ для нихъ слова заповѣди: ***Азъ есмь Господь Богъ твой.*** Тогда уразумѣютъ они, какъ различать должно и почитаніе святыхъ отъ почитанія, свойственнаго одному Богу. Для этого различенія хорошо употреблять извѣстное сравненіе, взятое отъ луны и солнца, то есть покажемъ дѣтямъ, что какъ луна не сама по себѣ свѣтла, а сіяетъ свѣтомъ заимствованнымъ отъ солнца, такъ и святые, даже самые высшіе ангелы озаряются славою Божіею, исполняются благодатію вѣчнаго Творца своего, которою и дѣйствуютъ во благо наше. Въ Его свѣтѣ мы должны видѣть свѣтъ ихъ, и по этому только чтить ихъ и славить.

При разсужденіи о 2-й заповѣди важенъ вопросъ о святыхъ иконахъ. Отъ протестантскаго взгляда на нихъ освобождаетъ насъ православная церковь, поставляя ихъ

на важнѣйшихъ мѣстахъ храма, украшая сребромъ и златомъ, предъ ними возжигая свѣтильники, воскуряя ѳиміамъ и предъ ними же ставя насъ въ молитвахъ. Болѣе стараться намъ нужно о томъ, чтобъ простодушные наши прихожане не увлекались тою невѣжественною простотою, которая совсѣмъ сливаетъ образъ съ первообразомъ, и говоритъ на прим. (какъ мнѣ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ): „вси святыи Богородицы молите Бога о насъ!" Молившіеся такимъ образомъ разумѣли, конечно, разныя иконы чудотворныя и списки ихъ. Чтоже скажемъ имъ для исправленія ихъ погрѣшительныхъ понятій о иконахъ, и въ особенности объ иконахъ чудотворныхъ? Не унижая достоинства иконъ, объяснимъ то сравненіе святыхъ иконъ съ святыми книгами, какое положено въ катихизисѣ. Спросимъ: книга называемая Апостолъ, повѣствующая объ апостолахъ, есть ли самъ Апостолъ? Книга Златоуста есть ли самъ Златоустъ? Такъ и икона пресвятой Богородицы не есть самая Богородица, икона святителя Николая не самъ святой Николай и проч., а представляютъ намъ изображенія сихъ свято чтимыхъ лицъ. Какое же преимущество иконъ чудотворныхъ? То, что предъ ними молящимся Господь благоволилъ являть особеннымъ образомъ благодатные дары свои. Въ сихъ иконахъ вмѣстѣ съ благодатію Божіею въ святыхъ, прославляется и усердная вѣра нашихъ благочестивыхъ предковъ, имѣвшая силу привлекать къ себѣ благодать Божію. Всѣ святые иконы суть книги поучительныя, а чудотворныя иконы поучаютъ еще насъ и примѣромъ древнихъ молитвенниковъ, напоминая о плодахъ ихъ молитвъ и почитанія святыхъ иконъ.

Нужно ли пространное объясненіе 3-й заповѣди? Для всѣхъ нужно знать, какая великая важность клятвы и присяги, а также, какъ осмотрительны должны быть обѣты, по разнымъ случаямъ даваемые Богу. Основаніе же уваженія къ клятвамъ и обѣтамъ положимъ въ нашихъ дѣтяхъ—въ благоговѣніи ко всесвятому имени Божію. Легкомысліе ихъ и разсѣянность до того доводятъ, что иные поминутно божатся, и не сознаютъ, что божатся напрасно. На исповѣди я спросилъ одного мальчика: не божил-

ся ли ты напрасно?—„не божился," отвѣчалъ онъ.—Однако подумай, мнѣ кажется, и ты, какъ другія дѣти, божишься безъ нужды? „Ей Богу! нѣтъ," сказалъ и перекрестился мальчикъ, показывая свою невинность противъ 3-й заповѣди, а вѣрнѣе, — совершенное неразумѣніе ея. Маловажна ли такая привычка? Здѣсь заключается сѣмя самое злое, которое въ послѣдствіи врагъ можетъ возрастить въ охлажденіе ко всему святому, въ наклонность къ обманамъ и самому клятвопреступленію. Потому всемѣрно должно искоренять эту вредную привычку въ дѣтяхъ. Пусть и родители удерживаютъ ихъ отъ этого порока; будемъ также научать дѣтей, чтобъ они и другъ друга предостерегали отъ напрасной божбы, какъ и отъ другихъ пороковъ. Чаще напоминать будемъ слово Спасителя: *буди слово ваше: ей—ей, ни—ни: лишше же сею отъ непріязни есть* (Матѳ. 5, 37),—то есть, грѣхъ.

Что нужно замѣтить нашимъ сельскимъ ученикамъ по 4-й заповѣди? То, что, въ наше время, она всего менѣе исполняется. И работы не прекращаются въ праздники, и въ церковь ходятъ немногіе, а большая часть то отъѣзжаютъ на базары, то заходятъ въ питейные домы, и весь день проводятъ то въ этихъ домахъ невоздержанія, то на игрищахъ и гуляньяхъ. Прекратится ли когда у насъ это безчинное и неразумное провожденіе святыхъ дней? Не прекратится, если не научимъ дѣтей какъ должно исполнять святую заповѣдь четвертую. Какъ же научить дѣтей? Словесныхъ наставленій для этого мало. Хорошо бы установить праздничныя собранія для дѣтей, то есть, послѣ литургіи и обѣда собирать ихъ еще—весною и лѣтомъ близъ церкви, осенью и зимою въ домъ или въ школу и заниматься съ ними тѣмъ, что прилично празднику, какъ то, чтеніемъ поучительныхъ книгъ, особливо благочестивыхъ повѣстей, пѣніемъ церковныхъ пѣсней, иногда прогулкою въ саду или на полѣ, гдѣ бесѣдовать съ ними о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ въ природѣ и родѣ человѣческомъ, и послѣ всѣхъ такихъ занятій вести ихъ на богослуженіе вечернее. Далъ бы Богъ, чтобъ хотя молодое поколѣніе наше научилось праздновать свя-

тые дни по христіански и наконецъ на сельскихъ правленіяхъ своихъ уставило правиломъ, обязательнымъ для всѣхъ, то самое, что отъ начала рода человѣческаго почитается заповѣдію, освященною примѣромъ самаго Творца (Быт. 2, 3).

Вообще очень нужно показать нашимъ прихожанамъ великую важность заповѣдей первой скрижали. Эта скрижаль сообщаетъ силу и важность всѣмъ прочимъ заповѣдямъ такъ, что нерадящій о исполненіи первыхъ заповѣдей ничего угоднаго Богу не совершитъ, хотя бы съ извѣстнымъ евангельскимъ юношей говорилъ: „всѣ другія заповѣди я сохранилъ отъ юности моей“ (Лук. 18, 21).

ПО ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ДУХОВЕНСТВА.

Въ журналѣ „L'union chrétienne", издающемся въ Парижѣ, помѣщено письмо изъ С.-Петербурга отъ 10 января 1863 года, касающееся вопроса объ улучшеніи быта русскаго православнаго духовенства; изъ этого письма заимствуемъ слѣдующее замѣчаніе на одинъ изъ весьма часто въ послѣднее время возбуждаемыхъ вопросовъ: „Одинъ изъ членовъ высшаго присутствія, учрежденнаго для изысканія способовъ къ обезпеченію духовенства, предложилъ высшей духовной власти въ Россіи, нельзя ли упразднить при церквахъ причетниковъ и замѣнить ихъ людьми вольнонаемными. Члены Святѣйшаго Сѵнода сильно воспротивились сему предложенію по причинамъ неоспоримо важнымъ. Вотъ нѣкоторые изъ основаній, объясненныхъ ими. Учрежденіе низшихъ степеней клира ведетъ начало свое отъ временъ апостольскихъ, утверждено на вселенскихъ соборахъ и освящено постояннымъ обычаемъ церкви; почему отмѣненіе ихъ, въ видахъ мнимыхъ хозяйственныхъ сбереженій, будетъ несообразно съ каноническими правилами. Церковь — не присутственное мѣсто, чтобы измѣнять въ ней должности и должностныя лица; дѣйствуя такимъ образомъ, не поставить бы на мѣсто божественнаго установленія человѣческій произволъ. Низшія духовныя степени, хотя не принадлежатъ къ священству въ тѣсномъ смыслѣ сего слова, но служатъ приготовленіемъ къ нему. Правда, что въ русской церкви низшіе клирики въ настоящее время люди малообразованные, и изъ среды ихъ не избираются на степени священниковъ и епископовъ, а избираются на эти степени люди болѣе образованные, необязанные причетническою службою; но

надобно согласиться, что это—случайное уклоненіе отъ древняго порядка церкви. Впрочемъ этотъ древній порядокъ въ сущности сохранился, ибо все еще клирики допускаются въ кандидаты на священство. Наша церковь полагаетъ только, что требовать отъ будущихъ священниковъ продолжительнаго служенія въ низшихъ степеняхъ было бы несправедливо и неприлично, по причинѣ болѣе чѣмъ скромнаго существованія, на какое обречены причетники. Пусть будетъ улучшено матеріальное и гражданское положеніе нашихъ причетниковъ, и наши епископы не замедлятъ возстановить во всей силѣ древній обычай постепеннаго производства въ степени священства.

Безъ сомнѣнія, это возстановленіе первоначальнаго порядка встрѣтитъ, кромѣ бѣдности, и другія препятствія: напримѣръ предразсудки тѣхъ, которые, окончивъ курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ или въ академіяхъ, не захотятъ занять скромной должности причетника. Но этотъ предразсудокъ начинаетъ уже ослабѣвать. Не рѣдко можно встрѣтить въ богатыхъ городскихъ приходахъ лица, съ отличіемъ окончившія полный курсъ ученія въ семинаріяхъ, которыя не считаютъ для себя унизительнимъ поступать къ этимъ церквамъ на должность чтеца или пѣвца. Что касается до домовыхъ церквей, состоящихъ при нашихъ посольствахъ за границею, то въ нихъ много встрѣчается причетниковъ, которые получили полное академическое образованіе. Предразсудокъ, о которомъ мы говоримъ, исчезнетъ самъ собою, какъ скоро будетъ возвышено причетническое служеніе. Понятно, что высшая духовная власть, благопріятствуя этому улучшенію, ничего не должна ниспровергать, чтобы не затруднить правильнаго хода вещей, и что ей самой принадлежитъ право вводить перемѣны въ способѣ назначенія и повышенія образованныхъ клириковъ. Въ этомъ отношеніи она не погрѣшитъ противъ своего долга, ибо было бы неблагоразумно и неприлично оставлять такихъ причетниковъ въ положеніи унизительномъ по отношенію къ высшимъ духовнымъ лицамъ. Было бы вполнѣ справедливо освободить ихъ отъ нѣкоторыхъ трудовъ, которые болѣе приличны служите-

лямъ, нежели клирикамъ. Такъ, мести полъ въ церкви, носить узлы за священникомъ, идущимъ для совершенія требы въ приходъ, звонить на колокольнѣ,—все это скорѣе дѣло особаго служителя, чѣмъ причетника. Что касается до занятій собственно чтеца и пѣвца, то оно ни мало не унизительно, и я не сомнѣваюсь, что получившіе богословское образованіе безъ стѣсненія будутъ принимать эту должность; а это для церкви будетъ весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ.

Такимъ образомъ священникъ будетъ имѣть умныхъ и благонадежныхъ сотрудниковъ не только при совершеніи богослуженія, но и въ исполненіи другихъ обязанностей. Сюда надобно отнести прежде всего религіозное образованіе народа, образованіе, которымъ нынѣ слишкомъ пренебрегали. Не подумайте, милостивый государь, будто я хочу сказать, что въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ одного знанія катихизиса; я знаю, что въ римско-католическихъ странахъ, гдѣ всѣ дѣти учатъ катихизисъ, религія находится не въ цвѣтущемъ состояніи. Я болѣе довѣряю христіанству народа, чувству, какое свято сохранилось у русскихъ, нежели школьному ученію, которое весьма часто по необходимости бываетъ недостаточно; но есть эпохи, когда народъ, по вліянію различныхъ обстоятельствъ, не можетъ довольствоваться простосердечной вѣрою. Если пастыри не будутъ просвѣщать и направлять эту первоначальную вѣру, на которую нерѣдко нападаютъ ложныя ученія почерпаемыя въ противо-религіозныхъ сочиненіяхъ, то она потеряетъ свою энергію и рано ли, поздно ли вовсе погаснетъ. А потрясенную и разрушенную вѣру не легко возстановить. Доказательство этого вы видите на западѣ. Человѣкъ иногда можетъ пріобрѣсти вѣру глубокимъ изученіемъ и наставительнымъ опытомъ жизни; но способенъ ли къ этому народъ? Сколько времени ему нужно для того, чтобы снова возвратиться къ вѣрѣ? а до тѣхъ поръ сколько заблужденій и бѣдствій ему надобно пройти! Періодъ, который въ настоящее время переживаетъ Россія, весьма важенъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи; нынѣ совершенно необходимо поза-

ботиться о болѣе развитомъ религіозномъ образованіи народа; и великая отвѣтственность падетъ на всякаго, кто станетъ устранять средства дать ему прочное духовное направленіе. Между этими средствами мы указываемъ самое важное мѣсто участію клириковъ въ этомъ дѣлѣ, если ихъ образованію дано будетъ лучшее развитіе. Священники сознали необходимость такого образованія для народа; они принялись за дѣло; но они не въ состояніи выполнить задачу; имъ нужны умные и преданные помощники.

Кромѣ религіознаго образованія, русское духовенство занимается первоначальнымъ образованіемъ народа; и какъ нѣтъ особыхъ первоначальныхъ наставниковъ, то одно духовенство и несетъ на себѣ это бремя. Чуждое всякаго духа партій, оно не бросаетъ ни на кого тѣни; народъ, исполненный религіознаго чувства, имѣетъ полное довѣріе къ обученію своихъ пастырей. Я отсюда вижу улыбку недовѣрчивости у редактора журнала: Le monde (міръ); ибо въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этого ультрамонтанскаго журнала увѣряли, что *схизматическое* русское духовенство ничего не дѣлаетъ для образованія народа. Какъ ни непріятно этимъ выдумщикамъ набожныхъ лжей, но въ настоящее время существуетъ болѣе двадцати тысячъ первоначальныхъ школъ, въ которыхъ обученіемъ завѣдываетъ духовенство. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ священникамъ помогаютъ діаконы и причетники; послѣдніе, не смотря на свое недостаточное образованіе, оказываютъ тутъ великую пользу. Сколько же полезнѣе были бы причетники болѣе образованные! Въ образованныхъ причетникахъ Россія будетъ имѣть способныхъ и усердныхъ народныхъ учителей, а церковь добрыхъ кандидатовъ на степень священства. Сверхъ того это преобразованіе неминуемо приведетъ къ возстановленію древняго церковнаго порядка, на практикѣ вышедшаго изъ обычая, хотя и сохранившагося въ теоріи.

Ставленническія грамоты—священническая и діаконская говорятъ о достаточномъ засвидѣтельствованіи въ пользу кандидата на священную степень, и въ архіерей-

скомъ чиновникѣ сохранилось восклицаніе, обращенное къ предстоящимъ: повелите! какъ будто бы назначенный къ рукоположенію былъ избранъ вѣрными. Однако же, за весьма рѣдкими исключеніями, тѣ, которые присутствуютъ при рукоположеніи, не знаютъ кандидата, а прихожане не даютъ о немъ своего свидѣтельства и знакомятся съ новымъ пастыремъ своимъ только уже тогда, когда онъ прибудетъ въ свой приходъ и вступитъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Такое положеніе дѣлъ не можетъ завязать добрыхъ отношеній между прихожанами и ихъ духовнымъ отцемъ. До настоящаго времени духъ благочестія и покорности восполнялъ забвеніе древняго порядка; но рано ли, поздно ли, вслѣдствіе умственнаго развитія и уже осуществившагося освобожденія вѣрныхъ, религіозныя связи могутъ подвергнутся опасности быть ослабленными; міряне могутъ сдѣлаться холодными къ вѣрѣ и чуждыми церковной жизни. Несчастный опытъ римской церкви долженъ послужитъ намъ урокомъ; нарушеніе древняго чина церкви, возведенное въ систему, всегда вредно и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ холодности въ дѣлѣ религіи. Перемѣна, о которой мы говоримъ, возстановитъ законное участіе, какое принадлежитъ народу въ дѣлахъ церкви; и пользованіе этимъ правомъ было бы сколько легко, столько и полезно. Въ самомъ дѣлѣ, когда приходы будутъ имѣть причетниковъ, способныхъ сдѣлаться діаконами и священниками, когда эти причетники въ теченіе извѣстнаго времени будутъ исправлять подчиненныя должности въ виду прихожанъ, эти послѣдніе будутъ имѣть полную возможность, когда лишатся священника или діакона, дать доброе свидѣтельство въ пользу причетниковъ. Для послѣднихъ въ одобреніи со стороны прихожанъ заключалось бы весьма важное побужденіе ревностно и правильно исполнять свои обязанности. Когда чтецъ или пѣвецъ не получили бы одобренія отъ нихъ, прихожане могли бы перенести свой выборъ на клириковъ, состоящихъ въ сосѣдственныхъ приходахъ, ибо имъ всегда легко имѣть свѣденіе объ этихъ лицахъ по причинѣ частыхъ сношеній между селами.

Права, которыми будутъ пользоваться прихожане въ избранiи своихъ священниковъ или дiаконовъ, никакъ не ослабляютъ правъ церковнаго правительства. Священники, или благочинные не устраняются отъ участiя въ избранiи своихъ собратiй; руководствуя народъ въ этомъ дѣлѣ и давая также свое свидѣтельство, они могутъ содѣйствовать назначенiю товарища, который представитъ полное ручательство какъ относительно образованiя и качествъ, необходимыхъ для достойнаго служителя Божiя, такъ и относительно братскаго согласiя, какое должно существовать между служителями алтаря.

Само собою разумѣется, что епископъ, вполнѣ уважая избранiе прихожанъ и клира, сохранитъ всю власть какъ относительно испытанiя, которому онъ будетъ подвергать кандидатовъ, такъ и относительно утвержденiя избранiя, или отказа клиру и народу по убѣжденiю своей совѣсти. Мнѣ кажется, что этотъ проэктъ улучшенiя, вполнѣ сообразный съ каноническими правилами, не представитъ серьезныхъ препятствiй въ практикѣ, если только будетъ выполняемъ добросовѣстно и благоразумно. Я полагаю, многiе изъ нашихъ епископовъ готовы дать на этотъ проэктъ свое согласiе. Дай Богъ, чтобы это было такъ!

Съ установленiемъ такого порядка служенiе священническое будетъ болѣе плодотворно; послушанiе паствы своимъ пастырямъ будетъ легче; жизнь церкви снова приметъ свое правильное теченiе; спасенiе всѣхъ будетъ болѣе обезпечено.

Вторая причина, по которой епископы не соглашаются на отмѣну причетниковъ и замѣну ихъ вольнонаемными изъ мiрянъ, состоитъ въ затрудненiяхъ и несообразностяхъ, къ какимъ повело бы исполненiе сего предположенiя на самой практикѣ. Гдѣ найти людей, способныхъ исправлять обязанности клириковъ? Какъ удостовѣриться въ ихъ честности и какое можно имѣть ручательство въ ихъ добромъ поведенiи? Будетъ ли какое сбереженiе для казны, когда нужно будетъ платить кли-

рикамъ или пѣвцамъ изъ мірянъ и притомъ платить дороже, по причинѣ рѣдкости между мірянами способныхъ къ исправленію церковныхъ должностей, и въ особенности по причинѣ капризовъ вольнонаемныхъ людей. Какъ допустить въ алтарь и къ священнымъ предметамъ лица, мало извѣстныя и при томъ неполучившія никакого религіознаго посвященія? Трудно, чтобы не сказать не возможно, дать на эти вопросы удовлетворительные отвѣты: ибо наша церковь серьозно смотритъ на службу клириковъ; она съ трудомъ допускаетъ входъ въ алтарь мірянамъ. Не будучи столь строгою, какъ церковь римская, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ по отношенію къ театральнымъ артистамъ, наша церковь считаетъ неприличнымъ приглашать артистовъ съ театральной сцены въ церковный хоръ. Къ тому же православное богослуженіе весьма сложно и разнообразно; церковное пѣніе трудно и многосложно, такъ что не всякій способенъ исполнять его. У насъ нѣтъ, какъ въ римкой церкви, нѣмой обѣдни, для которой достаточно прислуживанія одного мальчика изъ хора, болѣе или менѣе подготовленнаго. Непонятный языкъ не прикроетъ ошибокъ въ общественномъ нашемъ богослуженіи и не сдѣлаетъ незамѣтными промаховъ, которые допуститъ неискусный и неприготовленный пѣвецъ. Церковь требуетъ, чтобы служба Божія была понятна и благочинно совершаема для назиданія вѣрующихъ. Но съ вольнонаемными пѣвцами это будетъ невозможно, и наша прекрасная литургія подвергнется опасности быть жалко обезображенною. Пусть намъ не говорятъ, что на востокѣ (въ Турціи) нѣтъ причетниковъ, состоящихъ при приходскихъ церквахъ, и что ихъ обязанности выполняются тамъ вѣрными по доброй волѣ. Можно ли ставить въ примѣръ ненормальный порядокъ вещей, установшійся вслѣдствіе угнетенія страны невѣрными завоевателями. Можно ли ставить въ примѣръ обычай, оплакиваемый самими восточными христіанами? Что сказать о церкви западной, гдѣ такъ давно уничтожены клирики, по крайней мѣрѣ на практикѣ? Богослуженіе, совершаемое на языкѣ непонятномъ, прикрываетъ много ошибокъ, но все таки извѣстно, что въ церквахъ

латинскихъ существуетъ большой безпорядокъ, хотя о немъ и молчатъ. Не надобно судить, на примѣръ, о французской церкви по тому, что видимъ въ Парижѣ, гдѣ приглашаютъ въ церковные хоры артистовъ всякаго рода. Пусть сдѣлаютъ наблюденіе надъ богослуженіемъ въ малыхъ городахъ и селахъ, тогда будутъ поражены бѣдностію и безпорядкомъ, какой тамъ встрѣтятъ. Кратковременое наблюденіе, которое я сдѣлалъ внѣ Парижа, не дозволяетъ мнѣ входить въ подробности по сему премету; но я довольно видѣлъ для того, чтобы понять, что безпристрастный наблюдатель, занявшись изслѣдованіемъ этого предмета ближе, много можетъ сообщить намъ о немъ свѣдѣній. Прося у васъ прощенія за столь длинное письмо, повторяю вкратцѣ, что высказалъ. Я считаю доказаннымъ, что предлагаемое упраздненіе причетниковъ противно каноническимъ правиламъ, вредно для церковнаго порядка и лишитъ церковь и государство полезныхъ служителей. Скорѣе надобно замѣнить дурныхъ причетниковъ хорошими и ввести перемѣну въ ихъ положеніи. Тогда и церковь и государство пріобрѣтутъ весьма важныя выгоды.

Королевъ.

(Вят. Еп. В.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ЖУРНАЛА ВѢСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ 186$^{3}/_{4}$.

(Годъ начинается съ іюля).

Вѣстникъ юго-западной и западной россіи приступаетъ къ началу втораго года своего существованія. Не намъ судитъ о томъ, какъ онъ рѣшилъ свою задачу. Появившись въ бурную эпоху столкновенія двухъ народностей, въ періодъ великихъ и благодѣтельныхъ реформъ въ нашемъ отечествѣ, въ самый разгаръ либеральныхъ миражей, въ минуту разноголосныхъ убѣжденій и проявленія разнородныхъ стремленій, въ самую кипучую, говоримъ, эпоху нашего слова и дѣла,—„Вѣстникъ," весьма естественно, не могъ удовлетворить всѣмъ направленіямъ, угодить всѣмъ убѣжденіямъ, выдержать, подобно нѣкоторымъ органамъ нашей журналистики, искусный нейтралитетъ между двумя непріятельскими лагерями, между прямымъ долгомъ и скрытою полу-измѣною. Его совѣсть отвергала и будетъ отвергать съ презрѣніемъ девизъ космополита „и нашимъ и вашимъ, ubi bene, ibi patria;" онъ никогда не унизится до порицанія *всего* русскаго потому только, что оно не чужое, не сдѣлаетъ своею задачею глумленія надъ всѣмъ добрымъ потому только, что иниціатива его исходитъ отъ мудраго и заботливаго о нуждахъ Россіи правительства. Слово „Вѣстника" звучало и будетъ звучать съ обычною ему ясностью и откровеностію, будетъ (какъ и было) проникнуто посильнымъ стремленіемъ къ истинѣ, неизмѣнною любовію ко всему честному, нор-

мальному и полезному, а особенно, безраздѣльно, всецѣло, недалекою отъ обожанія, преданностію интересамъ безцѣнной для насъ России, ея Повелителя, ея вѣры и нанародности.

При такихъ отношеніяхъ „Вѣстника" къ нашимъ реликвіямъ, онъ не могъ удержаться въ предѣлахъ апатичнаго разглагольствія, не могъ прибѣгать къ дипломатіи, когда можно было сражаться; фраза его бичевала всѣхъ посягателей на цѣлость нашей вѣры и народности, громила все, что только встрѣчала враждебнаго на пути къ спокойствію и благополучію нашей отчизны. Понятны, послѣ этого, нападки нѣкоторыхъ органовъ нашихъ на тонъ и направленіе „Вѣстника": послѣдній пришелся слишкомъ не по вкусу людей, пропитанныхъ или безпричинными антипатіями, или положительнымъ стремленіемъ къ ломкамъ, сепараціямъ, плохо понятому либерализму, безотчетному атеизму, анархіи и другимъ аттрибутамъ разрушенія, безъ плановъ и надеждъ на созиданіе. Большинство этихъ нападокъ, какъ возстаній противъ наглядныхъ, простыхъ истинъ, или личности „Вѣстника," было такъ ничтожно, что „Вѣстникъ" считалъ себя въ правѣ пройти (какъ и будетъ проходить) мимо нихъ, молча, съ достойнымъ ихъ презрѣніемъ: онъ считалъ ихъ недостойными своего вниманія и значенія, онъ имѣлъ довольно прямыхъ, священныхъ, неотложныхъ обязанностей, чтобы не развлекать своихъ силъ безцѣльною перестрѣлкою, не терять времени и боевыхъ снарядовъ на то, чтобы громить соломенные снопы нарѣзными пушками. Но тамъ гдѣ выстрѣлы, хотя часто и безвредные, направлены были въ сердце нашихъ святынь, въ твердыни нашей Вѣры и народности, „Вѣстникъ" не щадилъ своихъ средствъ. Онъ преслѣдовалъ тутъ не столько дѣло, сколько намѣреніе, мстилъ не за вредъ настоящій, но предотвращалъ будущій. Къ этой послѣдней необходимости вызвали его враги,- -частію свои, а особенно чужіе, и „Вѣстникъ," скажемъ безъ самохвальства, не остался въ долгу ни предъ тѣми, ни предъ другими: онъ подмѣтилъ кое-какіе опасныя сепараціи, осудилъ по заслугамъ дерзскія возстанія

на божественность нашей религіи, на цѣлость и спокойствіе нашего отечества; онъ разоблачилъ почти всѣ уловки латинопольской пропаганды и тѣмъ самымъ сдѣлалъ ихъ безопасными для насъ и вредными для самихъ пропагандистовъ; онъ ополчился на защиту нашей народности отъ незаконныхъ и неразумныхъ къ ней притязаній со стороны нѣкоторыхъ жалкихъ мечтателей и способствалъ проявленію патріотическихъ движеній сыновъ Россіи, забвенію мелкихъ домашнихъ дрязгъ и нестроеній и тѣснѣйшему сплоченію ихъ въ одну семью, крѣпкую своимъ единодушіемъ и неодолимую для враговъ ея и завистниковъ. „Вѣстникъ" обличилъ и опровергъ бездну лжей и клеветъ, искаженій исторіи и современности, которыя разсѣевали на счетъ Россіи ея недруги—и у насъ и, особенно, за границей; онъ разоблачилъ затѣи и продѣлки революціонныхъ комитетовъ и тѣмъ положилъ, быть можетъ, конецъ той моральной битвѣ съ нами супостатовъ, которая, подобно опасной, внутренней болѣзни, изнурила бы, истерзала насъ, если бы не вышла наружу въ вередахъ физическаго буйства, слишкомъ ничтожныхъ и безвредныхъ для нашей силы и жизни,—словомъ, „Вѣстникъ" старался выбить непріятелей изъ своихъ почти позицій. Оттого первый годъ „Вѣстника" можно назвать годомъ по преимуществу *полемическимъ*. Не отъ „Вѣстника" зависѣло преобладаніе въ немъ этого направленія, не отъ него будетъ зависѣть и отреченіе отъ него. Чувство чести и сознаніе долга заставитъ его поднимать перчатку всякій разъ, какъ только она гдѣ либо, кѣмъ либо будетъ брошена Россіи или православію; битва до смерти со всѣмъ враждебнымъ нашей вѣрѣ и народности будетъ девизомъ „Вѣстника" до тѣхъ поръ, пока на землѣ русской „останется хоть одинъ ея непріятель," пока враги ея не положатъ оружія и не позволятъ намъ *перековать мечи на серпы*,— перейти отъ военныхъ столкновеній къ мирнымъ занятіямъ.

Но и внѣ полемики „Вѣстникъ" потрудился на пользу Россіи и ея исторіи не мало: онъ воспроизвелъ довольно мало-извѣстныхъ и издалъ не мало вовсе неизвѣстныхъ

историческихъ матеріаловъ; онъ рѣшилъ въ пользу истины много вопросовъ мѣстныхъ, историческихъ, этнографическихъ, международныхъ; онъ подарилъ кое-чемъ любителей легкаго чтенія,—вообще—сдѣлалъ въ небольшой промежутокъ времени далеко больше того, что предполагалъ и обѣщался сдѣлать. Не малою услугою, оказанною нашей народности, „Вѣстникъ" смѣетъ считать и тѣ интимныя отношенія, въ какихъ онъ поставилъ себя и наше отечество къ западнымъ славянамъ—венгерскимъ и галиційскимъ, тѣ симпатіи, которыя онъ возбудилъ въ нихъ къ намъ и нашему языку, которыя они постоянно заставляютъ и въ письмахъ своихъ къ редакціи и въ печати, и которыя такъ отрадны для нашей славянской натуры.

Оттого всѣ истинные друзья Россіи и всѣхъ элементовъ ея жизни и крѣпости—оказались друзьями „Вѣстника." Оттого всѣ благороднѣйшіе органы нашей журналистики, отвергнувшіеся, подобно „Вѣстнику," съ презрѣніемъ, отъ модныхъ предразсудковъ и парадоксовъ, либеральныхъ миражей и разрушительныхъ тенденцій,—отозвались въ пользу его направленія, поняли исключительность его характера и, не смотря на отдаленность отъ поля бытвы, на которомъ раздавались выстрѣлы „Вѣстника," съумѣли оцѣнитъ ихъ сылу и меткость, признали ихъ умѣстными и даже не назвали ихъ неумѣренными. Оттого всѣ частныя лица, стоящія во главѣ русской интеллигенціи, всѣ друзья истины и порядка, цѣлости нашей вѣры и народности, поминутно заявляли и заявляютъ такое лестное для „Вѣстника" сочувствіе, такое одобреніе его характера, тона и направленія, оглашеніе котораго не мирится съ правилами нашей скромности и о которомъ сдѣланъ здѣсь намекъ для заявленія только благодарности дѣятелей „Вѣстника" благороднымъ и безчисленнымъ его покровителямъ, руководителямъ, друзьямъ и сотрудникамъ.

„Вѣстникъ" будетъ издаваться по прежней програмѣ.

ВѢСТНИКЪ

выходитъ съ 1-го Іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15

листовъ обыкновенной печати (по настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16—20 листовъ обыкновенной компактной печати).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ: въ Редакціи журнала, на Подолѣ и въ конторѣ его при книжномъ магазинѣ *г. Литова*; въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, въ книжномъ магазинѣ гг. книгопродавцовъ *Кораблеви* и *Сирякова* на Садовой учицѣ, противъ Гостиннаго Двора, въ домѣ Балабина, и въ книжномъ магазинѣ *г. Литова*, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой улицы; въ Москвѣ: въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*, и комиссіонера Вѣстника, купца *Г. В. Барскаго*, на Садовой, у гостинницы „Полтава", въ домѣ Быхова; въ Варшавѣ у книгопродавца *П. В. Дутова*; и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

для жителей *Кіева*, безъ доставки 6 р. 50 к. съ доставкою на квартиру 7 р. 50 к. а съ пересылкою въ всѣ города Имперіи 8. р.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ *Редакцію журнала Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ Кіевѣ.*

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать Редактору—Издателю Вѣстника *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*, въ Кіевѣ.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 13 іюня 1863 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ*.

Въ Университетской типографіи